

Таковы действительные отношения права и нравственности: нетрудно, однако, убедиться в том, что не таковы их нормальные взаимные отношения. В действительности существует множество юридических норм, прямо противоречащих целям добра, и, однако, не подлежит сомнению, что правовые институты должны служить нравственным целям, что право в целом его составе должно быть подчинено цели добра и только в ней может найти свое оправдание.

Если право в том виде, как оно существует в действительности, не соответствует правде, то отсюда возникает для нас категорическое требование, чтобы мы стремились к устранению такого противоречия; так или иначе право должно стать правдою — в этом заключается его главная жизненная задача; но прежде чем приступить к разрешению этой практической по существу задачи, необходимо выяснить теоретически, в чем она заключается, каковы те требования добра, которым и должно определяться развитие права. Обладают ли эти требования всегда одинаковым и неизменным содержанием, представляют ли они сочетание вечного с подвижным и изменчивым или же они меняются всецело сообразно той ступени развития, на которой стоит каждое данное общество?

Разрешение этого частного вопроса философии права зависит от разрешения более общего вопроса нравственной философии: изменчивы ли все требования добра вообще или же есть вечный идеал добра, который пребывает незыблемым и неизменным в потоке всеобщего движения? Существует ли какое-либо вечное начало должного в нравственности, вечный закон добра, или же все содержание нравственности в целом ее составе составляет продукт истории, изменчивый результат непрерывно совершающегося развития человеческого рода?

Сторонники господствующего в наши дни эволюционного воззрения на нравственность обыкновенно склоняются ко второму термину этой дилеммы. Весьма многие из них не верят в существование каких-либо вечных начал, лежащих в основе нравственности, и видят в нравственных нормах только непрерывно изменяющийся результат развития человека и человеческого общества. Главным аргументом в пользу такого воззрения служит установленный наукой факт изменчивости нравственных понятий. Какой-нибудь негр или краснокожий считает целью своей жизни умертвить возможно большее количество врагов; между тем какой-нибудь современный последователь Льва Толстого считает недопустимым поднять руку на ближнего даже в целях самозащиты или ради защиты общества против угрожающей ему со стороны преступника опасности. В нашем цивилизованном обществе каждый человек считает долгом содержать своих престарелых родителей, когда они не в состоянии жить собственным трудом; у многих

диких народов, даже в наши дни, считается нравственным долгом умерщвлять неспособных к труду стариков. Мы уважаем целомудрие, между тем у некоторых диких народов наибольшим уважением пользуется девушка, имеющая наибольшее количество любовников. Отсюда значительная часть эволюционистов заключает, что нет вечных истин в сфере нравственности, а есть только непрерывно меняющиеся нравственные понятия, отражающие в себе ту или другую ступень культурного развития. Нетрудно убедиться в том, что в основе этого умозаключения лежит крупное недоразумение. В настоящее время, само собою разумеется, становится все более и более невозможным отрицать закон всемирного развития, или всемирной эволюции. Весь мир находится в процессе непрерывного развития: в нем все течет, все изменяется, как сказал еще великий философ древности Гераклит;¹ но это всеобщее течение, совершающееся в области явлений, не исключает существования таких незыблемых законов сущего и таких вечных законов должного, которые определяют собою развитие мировой жизни, дают направление потоку явлений, но сами находятся вне движения, вне развития и не подлежат изменению.

Выводить изменчивость добра из того, что меняются человеческие понятия о добре, так же нелепо, как отрицать неизменность законов природы на том основании, что на различных ступенях своего развития человек представляет их себе не одинаково.

На самом деле изменчивость нравственных понятий доказывает только, что нравственное сознание человека изменяется, прогрессирует; но это отнюдь не доказывает, чтобы изменялся самый закон, самая сущность добра.

Свойство всех вообще вечных законов, вечных истин таково, что они существуют совершенно независимо от того, сознаются или не сознаются они человеком: законы геометрии имеют вечное, незыблемое значение, хотя они не сознаются дикарем: сумма углов треугольника равна двум прямым совершенно независимо от того, знают или не знают о том люди. Истины геометрии не меняются, хотя человеческое сознание усваивает их постепенно; наше познание геометрии развивается, прогрессирует, но самые законы геометрии находятся вне прогресса, вне возможной эволюции. Такое же отношение между незыблемым, недвижимым законом и непрерывно движущимся человеческим сознанием возможно и в сфере нравственной; признание вечного закона добра вполне совместимо с признанием развития несовершенных человеческих понятий о добре. Признание развития нравственного сознания человека нисколько не исключает возможности существования таких вечных истин в нравственной области, которые лишь постепенно проникают в сознание человека и постепенно им усваиваются. Поэтому, вопреки изложенной только что ходячей эволюционистской аргументации, вопрос о существовании или несуществовании вечного закона добра все-таки остается открытым.

Вся изложенная аргументация, в сущности, покоится на неправильном отождествлении добра с нашими субъективными понятиями о добре: она исходит из того предположения, что не существует блага объективного, что все то, что люди называют добром или благом, носит на себе характер субъективный, что благо для человека — то, что он признает или считает благом. Если стать на такую точку зрения, то эволюционисты совершенно правы: благо дикаря будет совершенно отличным от блага европейца, потому что у того и другого совершенно различные понятия о благе; если закон добра имеет характер субъективный, то он меняется по мере того, как изменяются наши понятия о добре, и в таком случае, разумеется, о каких-либо вечных истинах в нравственной сфере не может быть и речи.

Нетрудно, однако, убедиться в неверности того основного предположения, из которого исходит изложенная только что аргументация. Если бы добро или благо имели характер чисто субъективный, то каждый из нас был непогрешимым судьей своего блага; между тем из повседневного опыта можно убедиться, что люди беспрестанно ошибаются в суждениях о том, что составляет для них благо: один полагает свое благо в каких-либо сильных чувственных наслаждениях, которые на самом деле губят его здоровье, притупляют его умственные способности и ведут его к гибели; другой видит свое благо в преследовании исключительно эгоистических целей, хотя бы и в ущерб ближнему, и в результате становится жертвой всеобщей ненависти ближних. Ошибаются не только индивиды, но и целые расы; целые племена дикарей видят высшее благо в том, чтобы оскальпировать возможно большее число врагов, и в результате истребляют друг друга; то, что они считают для себя благом, является для них на самом деле злом, источником смерти.

Все эти ошибки человеческого ума и воли обуславливаются тем, что благо человека не зависит от одного только его ума и воли: человек не есть ни центр мироздания, ни изолированное существо, а часть мирового целого, органически связанная с прочими частями мироздания: следовательно, его благо зависит от объективных законов, лежащих в основе мирового целого. Кто ошибочно представляет себе отношение человека к законам мирового целого, значение и место человека в лестнице существ, тот будет, очевидно, неверно судить о добре или благе человека. Законы блага существуют объективно, независимо от того, вошли или не вошли они в человеческое сознание, потому что благо человека как телесное, так и душевное обусловлено непреложными законами, господствующими в мироздании, местом человека в строе Вселенной, в частности же — законами нашей физической и психической организации; неумеренное употребление спиртных напитков неизбежно является для нас источником физического и умственного вырождения и, следовательно, злом, несмотря на то, что иному пьянице высшее благо представляется в виде бутылки водки; всеобщая вражда человеческих рас и взаимное их истребление, несомненно, являются злом для них;

напротив, мир и солидарность являются несомненным для них добром, хотя бы краснокожие и негры держались в этом отношении диаметрально противоположного воззрения.

Вера в объективный, незыблемый закон добра, существующий независимо от наших несовершенных понятий о добре, составляет необходимое предположение нравственности. Нетрудно убедиться в том, что то отождествление добра с субъективными человеческими представлениями о добре, которое мы находим у некоторых из современных эволюционистов, должно привести к совершенному отрицанию нравственности. В самом деле, допустим, что не существует незыблемых объективных законов добра, что мерилom добра и зла служат беспрерывно меняющиеся человеческие понятия о нем; тогда нам придется признать, что каннибализм, господствующий среди некоторых народов, — такое же добро, как и самоотвержение христианина: ибо дикий, пожирающий ближнего, действует согласно со своим представлением о добре точно так же, как и христианин, полагающий за него душу. С этой точки зрения, разумеется, не может быть и речи о каких-либо нравственных правилах, имеющих всеобщее значение: добром для каждого племени и для каждого вообще человеческого общества должно почитаться то, что оно считает для себя добром. Но и этого мало: ведь и в пределах каждого народа и каждого данного общества есть много различных ступеней и уровней развития. Многие из нас, например, считают безусловно недозволительным умерщвлять ближнего, хотя бы и преступника, но наш крестьянин считает совершенно дозволительным убивать конокрадов; наше нравственное чувство возмущается телесным наказанием; однако многие из наших современников и соотечественников, как известно, держатся совершенно иного воззрения. Если мерилom нравственности должны служить меняющиеся на различных ступенях развития понятия о добре, но нет вообще нравственных правил, могущих иметь объективное значение, и в таком случае есть столько же нравственных законов, сколько есть людей на свете: для каждого человека нравственно то, что он считает нравственным. Но если так, то мы, например, должны подставить щеку ударившему нас ближнему, если этого требуют наши убеждения, а тот земский начальник, который думает иначе, может раздавать удары направо и налево; мы должны иметь сердечное попечение о несчастном преступнике, а крестьяне вправе расправляться с конокрадами. Словом, если сущность добра сводится к субъективным понятиям о нем, меняющимся сообразно уровню развития, то нет вообще ничего нравственного и безнравственного, постыдного и недозволенного. О нравственности вообще можно говорить только в том предположении, что существует закон добра объективный и всеобщий, не зависящий от тех или других человеческих суждений о добре.

Эта объективность и всеобщность закона добра всегда составляла и составляет необходимое предположение нравственного сознания. Как бы ни были разнообразны и изменчивы человеческие представления о самом содержании добра, — закон добра всегда представлялся и представляется людям в виде требования всеобщего, т. е.

всегда и для всех обязательного. Говоря словами Вл. Соловьева, "нет той мерзости, которая не признавалась бы где-нибудь и когда-нибудь за добро; но вместе с тем нет и не было такого людского племени, которое не придавало бы своему понятию добра (каково бы оно ни было) значения постоянной и всеобщей нормы и идеала". Те дикие народы, которые считают добром съесть врага или снять с него череп, считают подобный образ действий добром и доблестью не на один только день и не для себя только, а для всех времен и для всякого человека. Кавказский горец, отплачивающий смертью за убитого родственника, и христианин, подставляющий левую щеку человеку, ударившему его по правой, одинаково убеждены, что они следуют правилу поведения всеобщему, для всех обязательному, что так должен был бы поступать всякий на их месте.

Словом, как бы ни представляли себе люди самое содержание идеи добра, закон добра всегда представляется им законом для всех обязательным, т. е. всеобщим по своей форме. Эта вера во всеобщность закона добра, как сказано, составляет необходимое предположение нравственного сознания; кто откажется от нее, тот должен признать, что вся вообще нравственность покоится на иллюзии, что нет вообще ничего обязательного, должного, что добром для каждого должно почитаться то, что кажется ему добром, — иначе говоря, что нет вообще объективного добра, а есть только субъективный мираж, который мы принимаем за добро.

Словом, всякое вообще нравственное сознание покоится на том предположении, что есть объективный неизменный закон добра, всеобщий, для всех обязательный, что действительность и истинность этого закона совершенно не зависят от того, сознают или не сознают его люди на той или другой ступени своего развития, подчиняются или не подчиняются они его предписаниям. В чем же заключается содержание этого закона, каковы те требования, которые он к нам предъявляет?

Как бы ни менялось содержание нравственного сознания людей, человечество на всех ступенях своего развития в большей или меньшей степени прозревало одну нравственную истину: никакой человек не может найти своего блага в своей отдельности, вне союза с подобными ему людьми: вне общества, одинокими усилиями отдельный человек не может бороться против враждебных ему стихий внешнего мира: итак, солидарность людей с его ближними, единство людей в обществе есть благо, раздор и разъединение есть зло; эта истина, как сказано, дается не одному только развитому уму современного европейца: она просвечивает уже в неясном сознании самого первобытного дикаря: как бы ни были разнообразны ступени нравственного развития различных племен и народов, все они сходятся в одном — в признании большей или меньшей степени солидарности людей как чего-то безусловно должного для всех. Человек всегда в большей или меньшей степени сознавал ту истину, что путь

одинокости для него — гибель, а солидарное сообщество людей для него — спасительно. Мы нигде не находим человека совершенно изолированного: человек в доступные нашему наблюдению эпохи всегда жил в обществе; но всякое общество вообще возможно лишь при том условии, если люди признают себя связанными некоторыми узами солидарности в достижении общих целей; сообразно с этим, нравственность на всех ступенях своего развития выражалась в установлении некоторой гармонии человеческих воле, некоторого согласия между лицами, принадлежащими к одному и тому же обществу.

Как бы ни были разнообразны нравственные понятия у различных народов, все они сходятся между собою в том, что человек должен поступаться некоторыми личными интересами ради блага общего, ограничивать свой произвол ради ближних. Этим и ограничиваются те черты сходства, которые можно установить между пониманиями нравственности, господствующими на различных ступенях культуры. Солидарность, как закон должного, в большей или меньшей степени признавалась везде, где только существовало человеческое общество. Но на вопрос: кто те ближние, с которыми человек должен быть солидарен, как далеко должна простираться эта наша солидарность с ближними и какие конкретные требования из нее вытекают, — человечество на различных ступенях своего развития отвечало различно.

По мере развития нравственного сознания эта идея солидарности захватывает собою все больший круг людей, распространяется на круг отношений все более и более широкий. Дикарь признает себя солидарным только с членами своего рода и племени: на иноплеменников в его глазах это требование солидарности не распространяется: иноплеменники для него — враги, которых даже хорошо убивать и скальпировать; иные племена думают даже, что хорошо питаться их мясом. Да и самая солидарность между сородичами на низших ступенях культурного развития есть понятие лишь относительное; человек сознает себя солидарным со своими сородичами лишь до тех пор, пока они могут служить полезными членами общества; эта солидарность не исключает умерщвления стариков, неспособных к труду, не исключает даже и съедения стариков и детей собственного своего племени в случае голода, в случае, если это представляется нужным для поддержания существования взрослых и способных к труду членов племени. У древних греков отпадает этот варварский каннибализм, и дети содержат своих престарелых родителей; но и в их глазах солидарность распространяется только на расу эллинов; они уже не съедают своих пленников, но обращают их в рабов, смотрят на все прочие народы, как на варваров — низшие расы. В эпоху же Александра Македонского, и в особенности в дни всемирного владычества Рима, соединившего во единое политическое целое множество племен и народов, нравственное сознание уже значительно расширяется, утрачивает свой прежний узконациональный характер; стоическая философия прямо провозглашает, что все люди как таковые связаны узами невидимого родства и братства. Наконец, христианство сводит все обязанности человека по отношению к ближним к заповеди

любви, причем под ближним, которого мы должны любить, подразумевается всякий человек как таковой.

Таким образом, в нравственном мировоззрении всех народов в большей или меньшей степени выражается сознание одного основного нравственного начала: благо человека — не в эгоистическом обособлении, а в солидарности с другими людьми, причем этот принцип выражается во всей своей полноте и широте в христианской заповеди всеобщей человеческой любви, т. е. такой солидарности, которая не ограничивается одной сферой человеческих действий, но охватывает собою и внутреннюю сферу душевного настроения. И не подлежит сомнению, что именно в этом принципе всеобщей человеческой солидарности выражается не преходящая точка зрения той или другой исторической эпохи, а вечный, непреложный закон добра, который остается истинным, совершенно независимо от того, доразвились или не доразвились люди до его понимания.

Чтобы убедиться в этом, представим себе такое состояние человеческого рода, где каждый человек совершенно изолирован от своих ближних, где все живут исключительно жизнью личных эгоистических интересов, где каждый человек, ища только своего блага, враждует против всех и все против каждого. На какой бы ступени развития при этом ни находились люди, очевидно, что такое состояние всеобщей эгоистической обособленности угрожает гибелью каждому отдельному человеку и представляется злом для всех; представим себе теперь, что эта всеобщая вражда сменилась миром, что люди соединились в общежитие, в союз, который преследует общими силами общие цели, вытекающие из альтруистических требований: очевидно, что такое соединение людей в союз солидарных между собою граждан есть для них благо: стало быть, солидарность есть благо для людей, а эгоистическая обособленность — для них зло, совершенно независимо от того, знают они о том или не знают.

Когда мы говорим, что путь замкнутого в себе эгоизма есть ложь, а путь солидарности есть истина, то в этом выражается не только наше субъективное представление о добре, а объективный закон добра. Человек органической связью связан со своими ближними, и внеобщественный человек — немислим: что эгоизм замкнутой в себе личности не в состоянии обосновать в себе своего блага, доказывается повседневным, будничным опытом.

Так же точно, как и точка зрения эгоизма индивидуального, несостоятельна и точка зрения эгоизма коллективного — эгоизма замкнутого в себе рода и племени.

Представим себе то состояние человеческого рода и племени. Представим себе то состояние человеческого рода, в котором и в наши дни пребывают дикари, то именно состояние, где сознание нравственной солидарности распространяется на тесный круг членов одной племенной группы; тут человек чувствует себя до известных пределов солидарным с членами своего рода и племени и смотрит на всех чужих, как на своих врагов; при таком состоянии человечества не отдельные личности, а отдельные племена живут в состоянии *bellum omnium contra omnes*. Ложность этой точки зрения достаточно изобличается тем, что она служит источником гибели для тех, кто ее держится; опять-таки, несмотря на то, что дикари убеждены в противоположном, всеобщий мир, солидарность между отдельными племенами и для них была бы благом; взаимная ненависть и связанное с нею взаимное истребление и для них есть зло, несмотря на то, что они в истреблении возможно большего количества врагов полагают высшую свою славу.

Теперь представим себе такое состояние человеческого рода, где солидарность окончательно победила эгоизм, где все люди связаны узами братства и каждый любит ближнего, как самого себя. Сопоставим это состояние с тем, где каждый человек, каждое племя и каждое государство преследует только свои эгоистические цели! Спрашивается: которое из двух состояний составляет благо для человеческого рода? Очевидно, то, где любовь победила эгоизм. Стало быть, любовь есть благо, эгоизм есть зло, совершенно независимо от того, понимают ли это люди, овладела ли их сознанием идея всеобщей солидарности. Этот закон коренится не в тех или других субъективных представлениях человека о добре, а в таких объективных, универсальных началах, которые определяют собою путь мирового развития вообще и определяют собою задачу человека и человеческого общества в частности. В силу непреложного универсального закона человек, изолированный от своих ближних, обречен на гибель; как ветвь, отделенная от дерева, должна засохнуть, так как для поддержания ее существования ей необходимо питаться соками дерева, так точно гибнет и человек, отделенный от общества; как благо ветви состоит в единении ее с деревом, так и благо человека — в единении с обществом подобных ему людей; это закон как нашей телесной, так и нашей духовной организации: лишите человека всякого содействия его ближних, и он будет не в состоянии добыть себе средства к существованию; посадите его в продолжительное одиночное заключение, и он сойдет с ума или подвергнется полному умственному вырождению.

Невозможность внеобщественного существования для личности слишком очевидна, а потому эгоизм личности обыкновенно выражается не в грубой форме откровенного, прямого отрицания общества как такого, а в форме более утонченной; тот обыденный человеческий эгоизм, с которым мы сталкиваемся повседневно, выражается в том, что человек видит в своем личном благополучии безусловную цель, которой благополучие всех прочих людей должно приноситься в жертву: общество тут не отрицается, а низводится на степень средства для эгоистических целей. Нетрудно убедиться в том,

что и такая точка зрения самоубийственна, ибо она обрекает жизнь личности на полную пустоту и бессодержательность, на тщетную погоню за непрерывно исчезающим призраком счастья. Если я не задаюсь роковым вопросом о конечной цели и смысле моего существования, я могу, пожалуй, наполнить мою жизнь заботами о моем личном комфорте, благосостоянии и чувственными наслаждениями; но, во-первых, такое наполнение достигается ценою самоусыпления, самоубийства сознания, т. е. ценою умерщвления во мне самого дорогого и ценного, что отличает меня как человека от животного; если мне чужды те великие непреходящие цели человеческого рода, которые существовали раньше меня и переживут меня как физическое существо, если вся моя жизнь наполняется мелкими личными интересами, которые умрут вместе с моим телом, то я тем самым превращаюсь в ходячего мертвеца. Да и может ли этот путь привести к достижению хотя бы низшего, животного счастья! Над этим счастьем тяготеет грозный кошмар смерти, оно разлетается, как призрак, при первой сколько-нибудь серьезной болезни. Разумеется, не всякий эгоизм есть непременно эгоизм животный: есть другие, более утонченные формы эгоизма собственно человеческого: я могу искать моего эгоистического счастья не в одном только материальном комфорте, не в одном только ублажении моей плоти, но и в таких, по-видимому, духовных благах, как слава, почет, наслаждения власти, или же, наконец, наслаждения эстетические или умственные. Но и над этим счастьем тяготеет ужас смерти; и это счастье разлетается, как дым, как только я ясно сознаю, что всем этим наслаждениям настанет скорый и неумолимый конец,

В конце концов, и тот эгоизм основан на иллюзии нашей воли, и он обусловлен добровольным усыплением нашего разума: если этот сон не может быть легким и приятным, если его спокойствие нарушается грозными видениями и тяжелыми предчувствиями, то пробуждение сознания должно быть ужасным: первый проблеск философской мысли должен обнаружить полную бесцельность и бессмысленность замкнутого в себе эгоистического существования; а что лишено смысла, то лишено и всякой цены. Не стоит жить жизнью иллюзий и самообмана, не стоит жить ради мнимого эгоистического счастья, которого не существует, ради того, что непрерывно гниет и умирает. А так как ясно, что я не могу найти смысла жизни во мне самом, в удовлетворении моего личного эгоизма, то, значит, не стоит жить для самого себя; это значит, что смысл моей жизни в чем-то другом, что больше и выше меня.

И тут великий закон солидарности обнаруживается как объективная истина, как объективный закон добра, который торжествует над заблуждениями и иллюзиями отдельных личностей и целых народов.

В эгоистическом самоутверждении, в отъединении от прочих людей моя жизнь бессодержательна и бессмысленна, потому что объективное благо — в единении всех;

путь эгоизма обнаруживается, как ложь, при сколько-нибудь внимательном и глубоком философском анализе, а путь солидарности обнаруживается как истина. Смысл жизни раскрывается в любви и только в ней одной, ибо одна любовь может приподнять меня над моим индивидуальным ничтожеством и приобщить меня к тем великим мировым целям человечества, которые существовали раньше меня и будут существовать и после меня; одна только любовь торжествует над смертью, ибо она приобщает нас к жизни мирового целого, к тому, что существует вечно и не умирает.

Раньше мы видели, что предположение объективного закона добра, отличного от изменяющихся и прогрессирующих человеческих понятий о добре, не включает в себе ничего неразумного. Теперь мы можем убедиться в том, что это предположение составляет единственно возможное логическое оправдание нашей жизни. Если мы сколько-нибудь углубимся в наше самознание, то мы увидим, что не только наши нравственные суждения, но и вся наша жизнь покоится на предположении какого-то объективного, безусловного добра: более того, в этом предположении заключается весь смысл нашей жизни. Жить беспредельно, разумеется, не в нашей власти, но от нас зависит прекратить наше физическое существование в любой момент. Если, однако, несмотря на полную возможность покончить с собой в любую минуту, мы тем не менее продолжаем жить, то тем самым мы показываем, что мы верим в какое-то добро, ради которого стоит жить, стало быть, в такое добро, которое существует объективно и может действительно наполнить нашу жизнь непреходящим содержанием, а не является только нашей субъективной иллюзией. Если мы признаем, что добро есть только субъективное понятие, а не живая, реальная сила, которая может пересоздать нашу действительность, то единственно логичным выводом отсюда будет самоубийство: продолжать жизнь, от которой не ждешь никакого добра и которую совсем не ценишь, очевидно, представляется верхом бессмыслицы. Жизнь наша может получить логическое оправдание при том только условии, если мы верим в такое объективное добро, которое составляет ее цель и смысл.

Разумеется, такое объективное добро не есть факт внешней действительности, а идеал, с точки зрения которого мы оцениваем и измеряем действительность; а верить в этот идеал мы можем только при том условии, если мы признаем, что есть объективная, разумная цель, лежащая в основе самого мироздания. Разумеется, это — такое положение, которое не может быть здесь вполне обосновано, так как для обоснования его потребовалось бы изложить целую систему метафизики. Здесь достаточно указать, что вера в объективный закон добра и в его всепобеждающую силу составляет необходимое предположение всей нашей жизни: без него вся наша жизнь превращается в тяжелый бред или бессмысленное прозябание.

Как сказано, такое понимание закона добра нисколько не противоречит тому закону

мирового развития, эволюции, который господствует в строе Вселенной; напротив, оно приводит к единственно правильному пониманию нравственного развития человечества. Все наше культурное развитие определяется целями: развитие науки обуславливается поиском истины, развитие искусства обуславливается поиском прекрасного: наконец, нравственное развитие обуславливается поиском добра, блага. Словом, все наше развитие — умственное, эстетическое, нравственное — обуславливается существованием таких целей, к которым человек стремится и которые составляют предмет его искания. С устранением этих целей все развитие, прогрессивное движение человеческого рода должно прекратиться. Стало быть, существуют такие цели, которые играют роль первоначальных двигателей истории; очевидно, что в качестве первоначальных источников исторического развития цели эти сами не могут быть результатами того движения, которое они производят. Они, если можно так выразиться, предшествуют истории, обуславливают ее собою.

Те высшие, конечные цели, к которым стремится человек, имеют независимое от него существование и значение. Человеку незачем было бы искать истины, если бы он не был убежден, что где-то вне его и независимо от него существует та истина, которой он не обладает. Точно так же ему незачем было бы искать добра, если бы он не был убежден, что существует некоторый независимый от него объективный и неизменный закон добра, который превышает его изменчивые и несовершенные понятия о добре.

То, что было сказано об отношении закона и добра к нравственному развитию человечества, нуждается в существенной оговорке. То, что мы говорим о вечности закона добра, само собою разумеется, не означает вечности отдельных конкретных требований нравственности. Так, требование любви ко всякому человеку как таковому есть вечный закон, вечное требование добра; но способы осуществления любви, а следовательно, конкретные требования, вытекающие из заповеди любви к ближнему, бесконечно разнообразны в зависимости от бесконечно разнообразных условий места и времени. Единая, неподвижная цель безусловного добра не исключает существования множества конкретных нравственных целей подвижных и изменчивых — таких нравственных задач, которые не могут быть разрешаемы всегда одинаковым образом. Вечный закон добра выражает собою ту цель, которой должна быть подчинена вся наша деятельность; он не включает в себе никаких указаний относительно того, как мы должны осуществлять добро в каждом отдельном случае. Требование любви выражает собою неизменную сущность добра; но вопрос о том, должен ли я во имя любви дать ближнему кусок хлеба, теплую шубу, поместить его в больницу или просто помочь ему добрым словом, решается различно, в зависимости от множества конкретных условий. То или иное его разрешение обуславливается, во-первых, тем, какую собственно нужду испытывает мой ближний, терпит ли он голод, холод, нуждается ли в добром совете и т. п.; во-вторых, все зависит от того, какими средствами я располагаю, чтобы помочь ближнему.

Таким образом, в нравственности необходимо различать два элемента: 1) вечный закон добра, коим должна определяться конечная цель нашей деятельности, и 2) ряд конкретных задач—целей подвижных, изменчивых, которые обуславливаются, с одной стороны, вечными требованиями добра, а с другой стороны, меняющимися особенностями той конкретной среды, в которой мы должны осуществлять добро. Ответивши, таким образом, на вопрос об отношении закона добра к закону всеобщего развития, мы тем самым подготовили решение поставленного раньше вопроса — о характере тех нравственных требований, которые предъявляются нравственностью к праву.